

шебными руками, что готов протянуть их всем бесчисленным обитателям леса. Ее герои — маленькая речка, воробышек, смелый путешественник — проявляют отвагу и мужество:

Ямы пойдут,
овраги,
камни пойдут,
коряги,
может и зверь случиться!

Как удивительно звучит ответ речки:

Я ему дам напиться!

Полнее всего суть поэзии Мошковской выражена, вероятно, в стихотворении «Жил на свете один человечек». Человечек хотел построить себе домик, но у него было мало для этого материала. Зато какую щедрую помощь он получил от природы: «Небо крышу ему подарило, / стеной оказался лесок...». Его маленький домик открыт для всех: для солнца, для птиц и зверей, и Мошковская доброй шуткой кончает стихотворение: «Хорошо, что на крепкие двери, / Не хватило на двери досок!».

Свои неповторимые сюжеты находит в поэзии для детей **Юнна Мориц** (1937). Ее «Резиновый ежик» приобрел огромную популярность потому, что свою доброту, свое хорошее настроение: «Небо лучистое, / Облако чистое...» он готов передать всему окружающему миру:

...Божьей коровке,
Цветочной головке
Вежливо кланялся еж.

Для ее стихотворений характерен прием перевертыша, который, как писал Корней Чуковский, задает ребенку мыслительную работу:

Вышел месяц молодой,
Небо кажется водой,
Туча кажется волной,
Месяц — лодкой деревянной.

Эти удивительные чудесные перемещения, когда все меняется местами, но остается знакомым, заставляют ребенка задуматься: «До чего же всё похоже! // Значит, я, наверно, тоже / На кого-нибудь похож!». Сколько же в результате возникает ассоциаций! («Что на что похоже»).

Ее стихотворение «Дом гнома, гном — дома» создает атмосферу доброго, гостеприимного дома, но всю прелесть ему придает то, что попеременно верх становится низом, а низ верхом. Ю. Мориц не устаёт шутить: паразитально буйное озорство Веселой лягушки: «Вверх дном ее избушка / Стояла, бре-ке-ке». Это озорство отделяет ее от ее сверстниц, Унылых лягушек, и сколько бы ни прошло лет «Как вспомнит, что с ней было, — / Хохоchet, бре-ке-ке!» («Веселая лягушка»).

Автор приглашает к общему безудержному веселью всех на свете зверюшек в стихотворении «Попрыгать-поиграть». Ее мастерство словесной игры проявляется и в «Малиновой кошке», и в «Букете готов», в истории про избалованного мальчишку, который ни за что не хочет засыпать (стихотворение «Это — да! Это — нет!»):

Кататься верхом на слоне —
это да!
Слоняться верхом на коге —
Это да!
Верхаться на слонокоте —
Это да!
Но спать уже никогда не пойда!

Мастерством перевертыша, словесной игры отличаются стихи **Дауида Успенского** (род. 1937): в его «Смешном слоненке» никак не поймешь, кто же герой — то ли слоненок, то ли крокодилыч, никак не найдешь ни его улицу, ни его дом, и все события кажутся такими эфемерными! Весь построен на игре его «Птичий рынок», где папа с сыном сделали массу покупок, но одним решением «не пускать» мама перевернула такое прочное построение из покупок папы и сына. Но самый смешной перевертыш — в его стихотворении «Про объявления». Стоило наборщику выронить набор, «Смешались в объявлениях / Слова и предложения. // И в этих где, когда, зачем / Произошел сыр-бор». Фантазия Успенского в этом «сыр-боре» безгранична.

Автором блестящих перевертышей и словесной игры, замечательной чаще всего в миниатюре, был **Валентин Берестов** (1928 — 1998). Вот, например, его стихотворение «Картинки в лужах»:

В лужах картинки!
На первой — дом,
Как настоящий,
Только вверх дном.

Вверх дном и небо, и ветки, и дерево. Все это кажется ребенку настолько настоящим, что он доверчиво устремляется навстречу